

ЛЕГЕНДАРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Вопрос об отражении реальной действительности в легенде и быличке исследован пока недостаточно. Настоящая работа представляет собой попытку проследить, как в легендарно-мифологических повествованиях уральских казаков, записанных И. И. Железновым в середине XIX века, отразились историческая действительность, социальное сознание уральского казачества, его мировоззрение.

К мысли о записи фольклорного материала легендарно-мифологического характера Железнов пришел в конце 50-х годов. В письме к А. В. Дружинину от 16 мая 1860 года собиратель, сетуя на цензурные запреты преданий о Пугачеве, писал: «Принялся за сказочки — чтобы баклуши не бить. Даже самому совестно, а пописываю. Что-нибудь из сказок пришлю и вам. Годятся — ладно, не годятся — не взыщите»¹. Вместе с тем народные повествования, отражающие религиозное сознание казачества, интересовали Железнова и ранее. Так, в самом начале 50-х годов в циклах очерков «Картины аханного рыболовства»² и «Сайгачники»³ Железнов привел несколько рыбацких обычаев и быличек, рисующих отсталое мировоззрение уральских рыбаков (об оборотнях, русалках, «патронах» промысла и пр.). В журнале «Русский вестник» (1859) собиратель опубликовал легенду «Видение» и быличку «Шилихин пожар». Но большая часть легенд и быличек были им помещены в журнале «Библиотека для чтения» (1861, № 2 — 8) под общим названием «Сказания уральских казаков». Сюда вошли следующие фольклорные циклы: «Змей и комета», «Еще змей», «Клады», «Ермак», «Яд», «Оборотни», «Проклятые», «Баскачкина ростость», «Колдуны и заговорщики», «Фармазоны», «Обмирающие», «Домовой и леший», «Смерть и черепаха».

Приготовленные к печати в это же время легенды и былички «Калмыцкий ад», «Крючок и вилка», «Косточка-невидимка», «Неразменный целковый», «Калмык-камень-самоцвет», «Одна жена плакала, а другая нет» были опубликованы впервые только в 1888 году. И наконец, быличка о «старике-чертисте» появилась в печати в 1918 году⁴.

Легендарно-мифологические повествования интересовали Железнова в той степени, в какой они соотносились с историей и природой края, социальными воззрениями, морально-эстетическими понятиями и представлениями, бытом, трудом, занятиями и промыслами уральского казачества.

¹ ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, ед. хр. 164.

² Москвитянин, 1854, № 9 — 10.

³ Отечественные записки, 1856, т. 62.

⁴ Яицкая воля, 1918, № 67.

Железнов едва ли не первым из русских собирателей стал записывать легенды. В середине прошлого века публикации легенд носили еще случайный характер. Русские легенды знали, главным образом, по сборнику А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (М., 1859). Постоянно публикуя казачьи легенды, Железнов таким образом стремился сделать их достоянием науки и читателей.

В легендах, записанных Железновым на Урале, преобладают сюжеты исторического характера. Некоторые из них связаны с действительными историческими лицами, такими, как Разин, Пугачев, Григорий Отрепьев («Гришка Расстрижка»), казачий атаман Давыд Мартемьянович Бородин и др. Другие связаны с какими-либо памятными событиями, происшедшими в Уральском казачьем войске. О Разине Железнов записал две легенды, которые были опубликованы им в составе очерков «Картины казацкой жизни» и «Сайгачники». При записи легенд собиратель фиксирует реплики и обмен мнениями со стороны слушателей. Это помогает восстановить картину бытования этих легенд и оценку их.

В легенде, записанной собирателем со слов слепого старого казака Епифана Наумова на севрюжьем рыболовстве, Разин представлен как страдалец и грешник. Без сомнения, на содержание легенды оказала большое влияние антиразинская правительственная и церковная пропаганда. Если в песнях Разин выступает «величавым» народным героем, то в легенде он представлен кающимся в своих грехах. Легенда состоит из двух частей. Первая часть представляет собой фантастическое повествование о странствиях матросов на «безвестных» кораблях. По мнению Железнова, это своеобразное переосмысление народом кругосветных путешествий⁵. А. Н. Лозанова ошибается, называя эту часть легенды «фантастической сказкой»⁶. Это не что иное, как фольклоризованная версия приключений Одиссея и его спутников, соединенная с апокрифической легендой о «фараоновых войнах». Существенное значение в связи с этим имеет замечание рассказчика о том, что легенда воспринята им от «отставного солдатики», который «служил... на своем веку в матросах и был на безвестных кораблях»⁷. Аналогию с «Одиссеей» Гомера можно проследить во многих эпизодах легенды. Матросы с «безвестного корабля» обнаруживают странных людей, у которых «на лбу... один глаз, а посередь живота рот». Скитальцы в поисках пищи в лесу на одном из островов встречают одноглазого великана, который загнал их вместе с овечьим стадом к себе на двор. Они так же, как и спутники Одиссея, лишают великана единственного глаза (правда, при помощи ружей), что позволяет им убежать на корабль. Их также преследуют другие великаны, «человек до ста иль больше», от которых матросы «насилу пушками с кораб-

⁵ Железнов И. И. Уральцы. Очерки быта уральских казаков. В 3-х т. СПб., 1910, т. 1.

⁶ Лозанова А. Н. Песни и сказания о Разине и Пугачеве. М.-Л., 1935, с. 377.

⁷ Железнов И. И. Уральцы, т. I, с. 51. Далее ссылки на эту книгу даются в тексте с указанием тома и страницы.

ля отбились» (1, 58). Легендарно-апокрифическая традиция отразилась в описании «Фараонского моря», в котором матросы столкнулись с так называемыми «фараоновыми воинами», или «фараонами». Название и вид этих существ — «от головы до пояса — человек, а от пояса до ног — соминый плеск» — навеяны апокрифической легендой о наказании преследователей Моисея: «Им, вишь, указано жить в море до преставления света... Тогда, вишь, их и рассудят с царем-фараоном: из-за него ведь погибли и сделались получеловеками» (1, 56).

Во второй части легенды говорится о встрече матросов с Разиным в «земле турецкого салтана». Разин изображается грешником, обреченным на вечные страдания: «полтора ста лет» он живет в землянке, похожей на нору, питается глиной, два «ужасных» змея раз в месяц высасывают из него всю кровь. Страдания Разина, по легенде, будут продолжаться «до Христова пришествия». Как видим, вторая часть легенды перекликается с первой. В них доминируют мотивы наказания за «грехи» и ожидания страшного суда. Характерной особенностью легенды является то, что в ней отсутствуют какие-либо реалии, связанные с эпохой разинского восстания. На первом плане стоит религиозное истолкование фантастических и нереальных событий. В портрете Разина также отсутствуют какие-либо реальные черты. Он более похож на мертвеца, чем на живого человека. Это как бы образ потустороннего мира, что подчеркивается различными деталями: так, Разин предстает перед матросами в «красной александрийской рубаше», которая является, по понятиям казаков, непременным атрибутом «проклятых», когда они показываются людям. Таким образом, сюжет легенды о Разине возник на основе апокрифических повествований о мучениях грешников и быличек о «проклятом» человеке, который не может умереть и обречен на вечные странствия. Можно предположить, что имя Разина к данному рассказу прикрепились довольно поздно, возможно в XIX веке, когда события разинского движения в народе были основательно забыты. В казачьей среде, по-видимому, бытовали более правдивые, лишённые мистической окраски предания и легенды о Разине.

Композиционным центром второй легенды о Разине является мотив чародейства и приверженности героя к нечистой силе. Так, старый казак И. Н. Чакрыгин, собеседник Железнова, говорит о Разине, что он с «прибылью», и на вопрос собирателя, что это означает, отвечает: «Это значит, попросту ворожец, что чертями повелевает» (3, 37). Разин, по легенде, заговорил змей в окрестностях Гурьева, поэтому они перестали с тех пор жалить людей. Железнов привел и иную версию легенды, записанную от семидесятилетнего казака Степана Гладкова, которого Железнов характеризует как старика умного «и вовсе не суеверного, как другие» (1, 100). Последний опровергает распространенное среди части казаков мнение о сверхъестественных способностях Разина и дает рационалистическое истолкование легенды. Таким образом, Железнов еще в середи-

не XIX века отметил недоверчивое отношение народа к подобным легендам о Разине.

О Пугачеве собиратель привел только один легендарный сюжет. Он содержит в себе пророчество старца Алексея — митрополита о появлении на Яике «набеглого царя». Старец предсказал казакам, что на новом месте, куда они задумали перенести свой город, их постигнут «труссы, мятежи, кровопролитные брани и всякие сумятицы и неурядицы», а придет время — на Яике появится царь-страник, из-за которого прольется много крови. Этот сюжет зафиксирован Железновым в двух вариантах. В первом, очень кратком, записанном со слов И. М. Бакирова, передается только краткое содержание предсказания (3, 1737). Во втором встреча казаков со старцем излагается подробно и весьма живописно, само предсказание также дано более пространно (3, 53 — 54). К. В. Чистов связывает записи Железнова, в том числе данную легенду, с легендами об императоре Петре III — «избавителе»⁸. По легенде, записанной Железновым, приход царя-избавителя неизбежен. Причем об этом стало известно уже много-много лет назад. На Яике задолго до Пугачевского восстания распространялись слухи о том, что император Петр III не умер, но скрылся и живет тайно. Народное воображение придало ему идеальные черты защитника масс, заставило его жить среди простого люда, чтоб видеть все обиды и неправды судей и казачьих старшин, а потом встать во главе народа в борьбе с угнетателями.

Идея о Петре III — народном царе была очень популярна среди казаков. Носителями первоначальных легенд о чудесно спасшемся Петре III были так называемые разгласители. В числе таких разгласителей в Яицком городке известна даже женщина Прасковья Ивановна, проповедовавшая, «что де скоро придет государь Петр Федорович, который все настоящие порядки уничтожит и все начальство сместит», за что была жестоко наказана плетью по распоряжению оренбургского губернатора Рейнсдорфа⁹. Распространение подобных легенд было своеобразной пропагандой, направленной против Екатерины II и тогдашних порядков, по существу, единственно возможной формой идеологической борьбы в исторических условиях XVIII века при господстве наивно-монархических представлений и иллюзий народа. Правительство Екатерины II отлично понимало опасность подобной пропаганды и карало разгласителей (носителей легенд) самым жестоким образом. Вероятно, запись Железнова есть вариант легенды, распространяемый когда-то разгласителями, впитавший исторические и идеологические наслоения следующих после восстания десятилетий. Сам факт записи легенды о Пугачеве в середине XIX века свидетельствует о том, что современное Железнову казачество воспринимало ее еще как действенное средство борьбы против продолжавшихся притеснений со

⁸ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967, с. 186 — 195.

⁹ Арсеньев А. В. Женщины пугачевского восстания. — Ист. вестн., 1884, № 4, с. 617.

стороны царского правительства. Так, в легенде упоминаются «солдатские очереди», «богопротивные легионы» и «неполезные штаты», так называемые «нововведения» царского правительства, проводимые в XIX веке и уничтожившие последние остатки казачьей вольности. «При тесном сближении с народными помыслами и стремлениями, — пишет В. П. Аникин, — жанр легенды становился выразителем идей, которые при всем их религиозном облике несли на своем знамени оппозиционную к властям часть народа. Библейская сюжетика и стиль становились одеждой острой социальной мысли»¹⁰. Подобная оппозиционная мысль особенно ярко выражена в казачьей легенде «Обмирающие».

Л. Д. Барсуков передал Железнову рассказ своей «благочестивой тетушки», которую бог «сподобил» заранее увидеть «рай и муку и уготовленное для нее самой место на том свете». Легенда многоэпизодна. В ней дается подробное описаниерая, ада и места «между раем и мукой», говорится о слове спасибо и идоле Аба, о «трех словах», которые запрещено произносить, о душах праведных и грешных, о судьбе младенцев на том свете и пр. Железнов в примечании указал, что «подобного рода сказания составились между раскольниками и направлены к подтверждению обычных им воззрений на поясы, на бороды, на мундиры и пр.» (3, 318). Центральным эпизодом легенды является встреча тетушки Агриппины с казачьим атаманом Давыдом Мартемьянычем Бородиным в аду. Атаман, «словно трубочист, с бритой бородой, в узких солдатских ритузах в обтяжку и в узком кургузом мундире, что называется в поддергаешке, при шпаге стоит в вытяжку близь самого костра». Он хотел бы присесть или прилечь, но шпага и «ритузы» мешают. В руках у него «простой суконный зипун верблюжей шерсти», которым он пытается укрыться от пламени. Бородин в монологической форме сокрушается о своих грехах. Он осуждает себя. Во-первых, за то, что «по совету приятеля, князя Григория Семеныча Волконского, обрядился в узкую одежду и обрядил в нее казаков, кои по службам ходят». Во-вторых, за то, что «отечество» посрамил, то есть бородушку обрил. Одна «отрада» у атамана — это зипунчик, который дан ему в аду за то, что он в бытность атаманом в «домашнем быту позволил казакам ходить не в мундире, а в зипунах». Губернатора Волконского народные творцы также помещают в ад: «А где приятель твой, Григорий Семеныч?» — спрашивает тетушка из любопытства Давыда Мартемьяныча. «Там!» — сказал Давыд Мартемьяныч и указал рукой в ту сторону, где железная решетка...» (3, 371). Отношение рассказчика к этим персонажам резко отрицательное. Так, о Бородине он говорит собирателю следующее: «И видела его тетушка в таком жалком, в таком печальном виде... Куда и атаманство его пошло, куда енеральство пошло! Ничто, значит, не помогло» (3, 368). Без сомнения, легенда носила назидательный характер, всем своим содержанием она недвусмысленно преду-

¹⁰ Аникин В. П. Художественное творчество в жанрах нескаточной прозы. — В кн.: Русский фольклор. Л., 1972, вып. 13, с. 16.

прежда, что муки не избегнет ни один из сильных мира сего. Следует обратить внимание на одну чрезвычайно интересную особенность данной легенды. Рассказ о потустороннем мире дается, как о чем-то вполне обычном, обыденном, а действие разворачивается, как в каком-нибудь военно-бюрократическом учреждении того времени: пьяница попадает в ад. В жизни он когда-то совершил одно доброе дело — построил мостик через ручей, через который случилось однажды проходить святому старцу. Старец помолился за пьяницу. Ангел-хранитель, вняв словам старца, не стал дожидаться разрешения бога, освободил пьяницу из ада и «принес было прямо ко вратам райским, да Петр апостол без разрешения господи бога двери райские не отпер». Далее говорится о том, что «скоро и разрешение от господи бога вышло, да не в той силе». Бог сделал выговор ангелу-хранителю, что он поспешил, без доклада значит, за пьяницей в ад. В конце концов было решено поселить пьяницу «в избушке, аки узника», а ангелу «замесь наказания, велено до поры до времени, как будет господу богу угодно, ходить около избушки, якобы на часах» (3, 367).

Особую группу в записях Железнова составляют легенды о явлениях природы, животных и птицах. Они немногочисленны и кратки. Содержанием их является не описание, а объяснение какого-либо явления или факта действительности. Так, старик А. Д. Барсуков, припомнив о том, что «раз с неба с дождичком лягушки да ящерицы падали», дал этому случаю следующее объяснение: «Старики, помню, тогда говорили, что радуга-дуга втянула их с водой, когда воду пила» (3, 232). В легенде о сороках указывается, что они «не только могут водиться и жить, подобно воронам и другой птице, в Москве, потому, дескать, что какой-то святой человек проклял их» (3, 103). В некоторых легендах объясняются особенности внешнего вида животных и пресмыкающихся. Железнов сообщает, например, о том, что, по понятиям казаков, бог украсил ужей «венчиком», то есть оранжевой полоской на затылке, «за незлобивость и безвредность» (3, 102).

Состав быличек в собрании Железнова также очень разнообразен. Здесь представлены рассказы почти обо всех существах из низшей народной демонологии: о леших, домовых, водяных, русалках, чертях, а также о «проклятых», «опивицах», оборотнях, оживших мертвецах-привидениях, колдунах, «заговорщиках», фармазонах и пр., многие из этих народных рассказов он слышал, конечно, многократно. Свои многочисленные наблюдения над бытованием быличек среди казаков он обобщил в обстоятельном примечании-отступлении к роману «Василий Струняшев».

В центре внимания Железнова стоит судьба жанра быличек. Из примечания видно, что Железнов хорошо ориентируется в общерусском фольклоре. Он отметил сходство и различие поверий о русалках у казаков и русских крестьян. «На языке уральцев, — пишет он, — слово шутовка означает то же, что у русских вообще слово русалка. Между уральской шутовкой и общей русалкой есть неболь-

шая разпица, а именно: последняя, то есть русалка, как известно из рассказов и описаний, тотчас губит неосторожную жертву, которая попадает ей в руки, а уральская шутовка, напротив, бережет свою жертву многие годы и покушается на жизнь обольщенного ею молодца тогда только, когда молодца этого станут отбивать от нее люди. По понятиям уральцев, заимствованным, конечно, от великорусов, шутовки есть проклятые жены и девы. Они живут в плоти, невидимо от людей, и будут жить до пришествия Христова. Постоянное житие их под водой, в обществе чертей». Железнов отметил также, что кроме шутовок, по повериям казаков, существуют и шуты, то есть проклятые мужчины. «Эти подземные молодцы, — иронически замечает Железнов, — в свою очередь, обольщают между людьми молодых женщин и выбирают преимущественно тех, у которых мужья по несколько лет сряду бывают в дальней откомандировке». Железнов считал, что основой для подобных взглядов служили суеверия и невежество населения, поддерживаемые различными «канониками» и «уставщиками», которых он назвал «сволочью, живущей за счет простолюдинов» (2, 19).

Для собирателя характерно трезвое отношение к материалу, стремление дать правильное объяснение сообщенным фактам. Он считал, что «мужчины, подозревавшиеся в связи с шутовками, были просто-напросто подвержены умственному расстройству вследствие естественных болезней» (2, 20). С гневом пишет он об унизи-тельных операциях, которым подвергали больных: «их отчитывали, поили разными снадобьями, намазывали с ног до головы свиным салом». «Ежели натура больного преодолевала болезнь и страждущий выздоравливал, то значило — шутовку отогнали. Ежели больной умирал — это значило: шутовка задушила его» (2, 20).

Железнов дал достоверную картину возникновения и бытования жанра былички на протяжении длительного времени. По его мнению, в 70-х годах XVIII века (к этому времени относится действие романа «Василий Струняшев») «все без изъятия были убеждены и верили в существование шутовок и шутов». В 30 — 50-х годах XIX века «понятия уральцев немного поочистились», но и «теперь между уральцами многие придерживаются этого суеверия» (2, 20). Сетую на то, что в романе он не может привести известные ему бесчисленные примеры подобных рассказов, он сообщает о своем намерении заняться их записью и публикацией в будущем. Как видим, интерес Железнова к быличкам возник задолго до появления их основной публикации в 1861 году.

Железнов, без сомнения, не мог не видеть в быличках, несмотря на их фантастическую оболочку, наблюдательность и пытливый ум народа. Сквозь мистику и суеверия в них просвечивают примечательные черты реальной жизни и быта казачества. В некоторых быличках, как и в преданиях и легендах, можно увидеть отражение определенных событий, имевших место в казачьем войске в далеком прошлом. Такова, например, быличка «Шилихин пожар», повествующая о «злойшей-презлойшей колдунье» Шилихе, по вине

которой сгорел весь город. Отличительной особенностью этой былички является то, что демоническое существо в ней сталкивается не с каким-то отдельным человеком, как обычно бывает в подобных рассказах, а с большой массой людей. Это столкновение приносит несчастье целому городу, и пожар поэтому «слывет в народе Шилихиным». Быличка, без сомнения, порождена многочисленными пожарами, порой полностью уничтожавшими город. По свидетельству путешественника XVIII века академика П. И. Рычкова, посетившего Яицкий городок в 1748 году, город был застроен небольшими деревянными постройками, тесно примыкавшими друг к другу, с очень узкими улицами, по которым «двум телегам разъехаться почти невозможно». Вследствие этого город подвергался частым и большим пожарам¹¹. Рассказчик И. Н. Чакрыгин, ссылаясь на своего отца, уверял Железнова: «Шилихин пожар, сударь мой, случился оченно давно, до Пугачева лет за двадцать пять, иль бо и больше еще». Рассказчик таким образом стремится определить точное время описываемого им события. Более того, он перечисляет и другие пожары, происшедшие в начале XIX века, также получившие в народе названия: «первый большой пожар», «второй большой пожар» и пр. Причину такой «точности» можно объяснить только тем, что данный сюжет сам по себе очень древен и отражает мировоззрение казачества той далекой поры, то есть до пугачевского времени. Не случайно эта быличка заинтересовала В. Г. Короленко, когда он намеревался писать роман о Пугачеве «Набеглый царь». В одной из записных книжек сохранился конспект этой былички, где Короленко, в частности, заметил: «Среди ходячих воспоминаний в Яицком городке до Пугачева считается Шилихин пожар (лет за 25)»¹². В ряде других быличек также упоминаются примечательные события из истории уральского казачества. Так, в быличке о солдатском кладе (цикл «Клады») говорится о том, как два солдата, будучи в Уральске «на усмирении» казачьего волнения в начале XIX века, «в год Волконского», «разными неправдами, где воровством, где обманом» набрали много денег и драгоценностей. Воспользоваться ими не смогли, так как были отправлены на войну, поэтому «зарыли казну в степи, повыше Уральска, у Савушкина ерика». В быличке подчеркивается важная мысль: богатство, добытое нечестным путем, не идет впрок. Одного солдата убило на войне, другой попал в штрафной батальон и тоже умер. Казак, которому достался клад, также умер «в одночасе», а его богатство «разошлось прахом, словно его и не было» (3, 262).

В многочисленных быличках о кладах отразились морально-этические понятия казачества. Привыкшие к общинному, совместному пользованию землей, лесом, рекой казаки считали, что и клады должны принадлежать всему обществу. В быличках нашла отражение утопическая мечта о достижении равенства и счастья. Старик А. Д. Барсуков выразил эту идею таким образом: «Сколько бы че-

¹¹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, с. 37.

¹² ГБЛ, отдел рукописей, ф. 135, р. 11, ед. хр. 618, л. 24.

ловек ни нашли (клад. — *Н. Щ.*), какие б люди ни были, старые ли, все единственно — всем по равной части; иначе клад опять уйдет в землю» (3, 250). В качестве примера неравного дележа Барсуков привел быличку о кладе, найденном в поселке Сарайчик: это была лодка с серебряными и золотыми монетами. Клад исчез, так как разделили его неправильно: «есаулу, яко начальнику», дали «два пая», каждому взрослому мужчине — «по паю», женщине — «по полпаю» и т. д.

Некоторые былички имеют резкую социальную направленность. В них, как и в преданиях и песнях, звучат мотивы неприязни к «господам», чиновникам, «солдатским офицерам». Последние часто предстают в образах чертей и прочих демонических существ. Так, одному казаку и его жене (быличка «Баскачкина ростощь») представилась следующая картина: «На мосту, на перилах, значит, сидят барыни в немецких платьях, в шляпках, с зонтиками, а около барынь стоят господа, то-ись солдатские офицеры, кто с трубкой в зубах, кто с гитарой в руках, кто с чем; все, барыни и господа, разговаривают о чем-то и хохочут... Жена повела глазами на господ и на барынь; и у тех, проклятых, вместо ног торчат — у кого лошадиные же копыты, у кого — звериные лапы, а у одной барыни из-под платья и хвост виден, закорючился, словно у собаки! Каковы господа? Каковы барыни? — заметил опять рассказчик» (3, 324 — 325). В быличке «Калмык-камень-самоецвет», очень близкой к сказке, представляет интерес монолог черта, сидящего в рукомоинике: «Ведь я не рядовой черт, а чиновный. Есть-когда б не засел здесь, я бы теперь был енералом». На образной системе этой былички отразилось резко отрицательное отношение казаков к офицерам, которых они называли чиновниками. Так, в рассказе «Поединщики» Железнов, описывая свою первую встречу с И. Н. Чакрыгиным, отмечает: «На Урале казаки, особенно казачки, редко офицеров называют офицерами, а всегда почти величают чиновниками. И довольно основательно, потому что отношение офицеров к казакам — чисто чиновническое; и городничие, и частные пристава, и комиссары, и судьи, и секретари, словом, весь люд, из которого составлен механизм бюрократии, офицеры»¹³. Неприязненное отношение казаков к офицерам объясняется также и тем, как замечает Железнов, «что господа чиновники, из уважения к старческим сединам, частенько пробуют их руками»¹⁴. Вероятно, только этим можно объяснить тот факт, что черт в быличке похож на чиновника, то есть на офицера. У него военные замашки. Он обращается к сатане со словами: «Ваше сатанинское благородие». Перед пустынным черт «вытянулся в струнку, а руку приложил ко лбу, якобы к козырьку, значит, по-чиновничьи честь отдает» (3, 412 — 420). Рассказчик Бахин, со слов которого Железнов записал эту быличку, сообщил, что он слышал ее от «отца Петра, кроющегося священни-

¹³ Железнов И. И. Поединщики. М., 1859, с. 396.

¹⁴ Там же.

ка», которого посадили в тюрьму. Вполне вероятно, что широко известный сюжет легенды «Пустынник и дьявол»¹⁵, попав на Урал, сильно трансформировался и превратился в быличку. Мотив о чиповнике-черте звучит в одной из быличек цикла «Проклятые», где черти поставлены начальниками над проклятыми, они «вроде квартальных, комиссаров, блюдут порядок, суд и расправу чинят» (3, 298). В ряде быличек пародируются бюрократические порядки России того времени. Интересен эпизод сходки чертей («Проклятые»), на которой они решали, к какой «партии» причислить парня, случайно попавшего к ним. Парень очутился в «дьявольском обществе», как объяснил рассказчик, «от своего... дурачества, от своего необузданного языка», поэтому черти в недоумении. «Если бы парень был пьяный, — говорится в быличке, — они задушили б его и душу его причислили к партии опивец. Если бы парня прокляли мать иль бо отец — черти приобщили б его к партии проклятых. А то ни то, ни се — вышел парень межеумком» (3, 311). Черти ничего не могли решить, так как «дело было по новости». «Дело» о парне было послано в ад к сатане. Но и «в аду, у сатаны, дело это, должно быть, тоже явилось по новости: долго что-то решение не выходило» (3, 311).

В значительной части быличек говорится о хозяйственных занятиях казаков, об их охоте на сайгаков, о рыболовстве и о попытках казаков объяснить непонятные явления, связанные, например, с охотой на сайгаков. В быличке «Отчего сайгаки покинули Урал?» рассказывается о том, как однажды на Урале расплодилось очень много сайгаков. Богачи Черыковы, торговавшие говядиной и бараниной, понесли в связи с этим огромные убытки, так как «запрос на говядину и баранину был весьма ограничен». Черыковы обратились к знахарю-колдуну, который и отвел сайгаков далеко за Урал. Железнов рационалистически объясняет происхождение подобных повествований. Приведя поверие о так называемых «заклятых» кладах, при помощи которых нечистая сила «уловляет души» людей, Железнов пересказывает казачью быличку и объясняет происхождение богатства жителя поселка Сарайчик Захара Матыгина. «Про Матыгина, — пишет он, — народная молва гласила, что он вырыл в земле, близ Сарайчика, на урочище Мажары, целый челнок, или лодку, золотых и серебряных монет; от этого будто бы он и разбогател». Железнов, не разделяя народного мнения, утверждает: «По всей вероятности, Матыгин разбогател не от клада, а от прибыльной мены с киргизами в то благословенное время, когда баран, стоящий нынче до трех рублей, приобретался у киргизов на хлеб да кой-какие ничтожные русские изделия за 50 или за 80 коп. меди, а продавался в Руси за несколько рублей. Вот в чем, вероятно, заключался клад. Этого рода кладом не один Матыгин пользовался, а многие другие» (1, 110).

Железнов отметил особенную популярность среди казаков рассказов, связанных с рыболовством. Это вполне естественно, так как

¹⁵ Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. М., 1914, с. 168 — 173.

рыболовство на Урале было основным и любимым промыслом. В быличке мы наблюдаем поэтизацию рыболовного промысла и реки Яика (Урала), что особенно заметно в названиях различных урочищ и прилегающих к реке Уралу мест: Золотинское устье, Жемчужный яр, Денежный яр и т. п. В уральских песнях также неизменно фигурирует река Яик: «сын горы», с «золотым доньшком», «серебряными краешками», «жемчужными отмелями». Передавая рыбацкие былички, Железнов сообщает много интересных особенностей рыбной ловли на Урале, например багренья — зимнего лова рыбы баграми.

Железнов не отделял изучаемые фольклорные и этнографические явления от современности. Они интересовали его именно в живом бытовании. Поэтому он сообщал о вновь образующихся повериях и причинах их возникновения. В очерке «Сайгачники» Железнов рассказывает об «умном и изобретательном» рыболове Федоре Андреевиче Попове, который всегда возвращался с богатым уловом, за что суеверные казаки прозвали его колдуном. «Между тем, — сообщает Железнов, — мнимый колдун ездил в Саратов и Астрахань, встречался и беседовал со многими опытными людьми и рыболовами» (1, 97). И только когда казаки однажды увидели, что снасти Попова «сделаны и расставлены совсем другим манером», нежели как у них, они догадались, что Попов не колдун, а такой же, как и они, «православный человек, но гораздо поумнее их». «С тех самых пор, — замечает с юмором Железнов, — все рыболовы сделались колдунами» (1, 99). Основными причинами возникновения подобных рассказов Железнов считал следующее: во-первых, необычность, «новизна» явления, когда оно «с первого раза» кажется не простым, а «чудесным»; во-вторых, суеверие казаков, их «вера в колдовство и во все сверхъестественное» (1, 99).

Таким образом, в легендарно-мифологических повествованиях, записанных И. И. Железновым, остались незатронутыми жизненные основы народного мировоззрения. В них прежде всего в яркой форме отразились примечательные черты истории, реальной жизни и быта казачества. Публикации легендарно-мифологических повествований Железнова существенно дополняют лучшее издание подобного материала того времени — сборник легенд А. Н. Афанасьева.